

Александр Иванович Куприн

Ницца пляшет

Лазурные берега

Александр Куприн

Ницца пляшет

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Ницца пляшет / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1912 — (Лазурные берега)

«Раньше я уже говорил о том, что Ницца – город, порожденный шальными деньгами, карточным азартом, глупой модой и безумными прихотями приезжих богатых людей, пресыщенных до одурения всеми грубыми радостями мира. Поэтому ничего нет удивительного в том, что в Ницце никто ничего не создает и ничем не занимается, кроме сводничества, стрижки и бритья, отдавания квартир и комнат внаймы, альфонсизма, комиссионерства, лакейства и других не менее полупочтенных профессий. Ницца еще ни разу не родила на свет божий ни одного скульптора, художника, актера, поэта, романиста, музыканта, композитора, даже ни одного мастера тонкой ручной работы...»

© Куприн А. И., 1912

© Public Domain, 1912

Александр Иванович Куприн

Ницца пляшет

Раньше я уже говорил о том, что Ницца – город, порожденный шальными деньгами, карточным азартом, глупой модой и безумными прихотями приезжих богатых людей, пресыщенных до одурения всеми грубыми радостями мира. Поэтому ничего нет удивительного в том, что в Ницце никто ничего не создает и ничем не занимается, кроме сводничества, стрижки и бритья, отдавания квартир и комнат внаймы, альфонсизма, комиссионерства, лакейства и других не менее полупочтенных профессий. Ницца еще ни разу не родила на свет божий ни одного скульптора, художника, актера, поэта, романиста, музыканта, композитора, даже ни одного мастера тонкой ручной работы.

Однажды, по просьбе пятилетней девочки, я принес в игрушечный магазин ее куклу, которой она неосторожно проломил голову. У меня очень вежливо приняли заказ и обещали завтра же произвести пустячную операцию с починкой черепа, которую я мог бы и сам довольно ловко сделать в десять минут, если бы у меня под руками был клей синдетикон, кусочек картона и клочок каких-нибудь волос.

Две недели подряд, каждый день, ходил я в этот магазин, и толстая, туго перетянутая корсетом хозяйка неизменно отвечала мне с обворожительной улыбкой из-за своей конторки: – Monsieur, завтра непременно.

К концу второй недели она откровенно призналась мне:

– Я должна вам сказать, что мы отправили вашу куклу в Париж. Видите ли, в Ницце никто ничего не производит. У нас нет ни сапожников, ни портных, ни шляпочниц, ни ювелиров, ни велосипедных мастеров, ни игрушечных... Словом, ничего нет. В сезон они все приезжают к нам из Парижа, Лиона и Марсея и загребают бешеные деньги. Кончился сезон – и они исчезают, как дым, как стая перелетных птиц. Понимаете, monsieur, ведь Ницца не город, а сплошной огромный отель. Что поделаешь, таковы наши ниццкие нравы... Потерпите немного, и через день, через два ваша кукла вернется целой, невредимой и прекрасно излеченной.

Для меня было ясно, что хозяйка магазина что-то путает, но во мне уже заговорило упрямство. Я пришел опять через четыре дня и настойчиво потребовал, чтобы мне возвратили мою куклу, в каком бы она ни была виде. Хозяйка медленно подняла на меня из-за конторки свои черные выпуклые глаза, неприятно молодые на старом, обрюзгшем желтом лице, и сказала с божественным спокойствием:

– Простите, monsieur, я ни разу не видала ни вас, ни вашей куклы. Вероятно, вы ошиблись адресом магазина?

Другой случай. Я сижу в парикмахерской. Меня стригут. Мой приятель дожидается меня здесь же, в зале, просматривая французские юмористические журналы. Рядом со мною хозяин заведения бреет солидного толстого старого буржуа. Понемногу между нами четвертым заходит разговор об автомобильных набегах Бонно и об его шайке анархистов-экспроприаторов. Все мы лениво согласны между собою в том, что современная молодежь отбилась от семьи и преждевременно портится. Но толстый буржуа принимает разговор чересчур близко к сердцу и багровеет так, что даже лысина становится у него пурпуровой. Он быстро поворачивается на винтящемся стуле лицом к моему товарищу. Одна щека у него гладко выбритая, а другая покрыта густой белой мыльной пеной.

– Вы правы, monsieur! – кричит он взволнованно. – Вы сто раз правы!

– Monsieur, – нежно протестует парикмахер, – ваши щеки!..

– Подождите... Когда я начинаю говорить, я не люблю, чтобы мне мешали... Вы тысячу раз правы, мой дорогой иностранец. У меня есть сын. Он не хочет работать, он целые дни проводит за бильярдом или за стаканом абсента в каких-нибудь кафе. И я догадаться не могу,

откуда он достает на это деньги. Я понимал бы еще, если бы у него были какие-нибудь связи с пожилыми богатыми дамами. Это ведь так просто и ясно. Мальчик очень красив, отчего же ему и не принимать маленьких подарков? Но, вообразите, он путается с самыми потерянными женщинами, и в этом трагедия моей жизни. Иногда я просыпаюсь среди ночи и с ужасом думаю: «А что, если и он анархист, как Бонно и его друзья?»

Случай третий. Густая уличная толпа окружила лежащую на земле молодую, довольно красивую, но сильно избитую и, кажется, израненную женщину. Двое городских держат за руки взлохмаченного пожилого француза, худого и гибкого, как виноградная лоза. Он без шляпы, и из растерзанной манишки видна его волосатая грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.